







ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ КРАБОВ

КОЛДУН.
ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ



РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К78

Серия основана в 1992 году
Выпуск 972

Художник
В. Федоров

Крабов В.

К78 Колдун. Из России с любовью: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 407 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2089-6

Наш соотечественник попадает в магический мир. Только-только осваивает магию, по большой любви женится, воюет за новую Родину... и вдруг на тебе! Провидение забрасывает его назад, в Россию. Ох и повыл он, ох и погрыз земельку. Магии-то лишился, а привыкнуть к ней успел. Пристрастился, как кот к валерьянке, так и манит. Надо возвращаться, а как? В первый раз «попал» чисто случайно, а тут Провидение отвернулось. Приходится колдуну исключительно на свои силы рассчитывать. А на Земле, кстати, не так чтоб уж совсем магии нет. Есть чуток. Да и ушки его тамошних врагов-чернокнижников проклюнулись. И началось! Ни в сказке сказать, ни пером описать... жуть.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Вадим Крабов, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2089-6

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
Как получилось, право, не пойму...

Из черновиков Александра Сергеевича

ПРОЛОГ

Чувство выполненного долга — прекрасное чувство, всяческих похвал достойное. Торжественное такое, пафосное. Умирать с ним должно быть легко по определению. Я и умерал. И да, легко. Только почему-то без желания. Тонул по тьме бездонных глаз, растворялся, теряя силы, а все бултыхался и бултыхался, пытаюсь всплыть, к жизни тянулся, но увыв...

Я точно помнил, что победил. Жену защитил, товарищей спас, войну, скорее всего, закончил и даже бога поверг, с которым встречаться совсем не планировал. Поступки, несомненно, геройские совершил, только вот божок тот утянул меня за собой, в портал падая, мною же созданный. Глянул черными глазами, огромными, как океаны тьмы, я и померк. Смазал, черт, удовлетворение от триумфа. Обиду я почувствовал, а не торжество и понял, что погиб; и погиб, как говорят, смертью храбрых.

Загробный мир существует, можете мне поверить.

Я пришел в себя. Вокруг — ничего. Плотный кисель непонятного цвета, который можно кусками резать, было бы желание. Вдруг ко мне как ни в чем не бывало подошел давно умерший друг по имени Рон, невесть откуда взявшийся и непонятно как в том киселе передвигавшийся.

— Что, друг, несладко? — посочувствовал он. — Но могу тебя поздравить: ты выполнил то, что должен был.

— Где я? — спросил я первое, что пришло на ум.

— Ты в Нигде, точнее не скажешь. А я — мертв. Ну, это ты помнишь. Меня отпустили под честное слово, — заявил он серьезно, поглядывая, однако, лукаво.

— Спаситель? — переспросил я, имея в виду популярного «светлого» бога, культ которого в Эгноре (магическом мире, куда меня занесло почти случайно) был фактически официальным, но с земным христианством, кстати, не имел ничего общего.

— Бери выше! Спаситель — мелкий божок, чуть покрупней Вартараара будет.

Вартараар — тот самый, который утащил меня за собой. Относится к классу «темных», если у небожителей в принципе можно выделить какие-либо классы.

— Куда выше-то? — удивился я, подозревая в словах друга какой-то розыгрыш. — И вообще, кому это я был когда-нибудь что-нибудь должен? Кроме тебя, конечно; извини.

— Это ты меня извини, не отвечу я тебе, «куда выше». На то она и вера, чтобы верить, а не знания знать, — сказал таким тоном, будто по носу шелкнул, мол, не суй его куда не следует. — А должен ты был исключительно самому себе. Согласись, что не дело это, когда людей режут ради получения силы и удовольствия ради, верно? А души обрекают на вечные муки; правда?

— Не дело, — согласился я, чувствуя себя глупо.

— Вот ты людей от этого и избавил.

— Ага... — я смутился. Но нашел-таки что возразить: — А просто так резать не будут, что ли?

— Будут, — с грустью признался Рон. — И для удовольствия будут, но только не ради силы. «Черная книга» теперь — просто книга, магия из нее ушла. Скоро за ней коллекционеры гоняться начнут — сожгут почти все экземпляры. Батвия станет обычной страной. Пусть и с возросшим уровнем преступности, но зато без подспудного страха, который сидел в каждом. Вспомни охранников в тюрьме с заключенными, предназначенными для жертвоприношений. Обычные, совсем не злые люди, занимающиеся жутким в своей обыденности делом, причем уверенные, что так и должно быть. Колоть людей на алтаре считали нормой. Вся страна так считала. Это кощунство в масштабах всего мира.

— Преступление против человечности, создание режима, попирающего основные права и свободы граждан, вернее — подданных, игнорирование общечеловеческих ценностей, — проговорил я, казалось, давно забытое, еще земное.

— Можно сказать и так, — не понял иронии Рон.

— Подожди... так, Вартараар погиб? — уточнил я, засомневавшись и очень надеясь на положительный ответ.

Рон скривился:

— К сожалению, нет. Ты изгнал его с Эгнора, и, поверь мне, больше он туда не вернется. И никакой Спаситель ему не поможет. Алтари чернокожников стали просто камнями, и теперь их можно разбить, если такой целью задаться.

— Эх, Рон, как жаль, что ты погиб! — воскликнул я в сердцах, сам того не ожидая. — И Лиона, и... Друг меня перебил, не дал сказать сокровенное «я»:

— Лиона жива, только она не в Эгноре. Как ты помнишь, она превратилась в богиню.

— Еще бы! — подтвердил я. — Для меня это случилось буквально только что. Вовремя она отвлекла Вартараара...

— Лиона и та богиня — одна личность. У них сложные отношения. Сейчас богиня пересилила, а что случится дальше — неизвестно... А ты, видимо, и себя уже похоронил?

Я промолчал. Если бы у меня билось сердце, то и оно бы замерло в ожидании приговора.

— Тебе это так важно? — усмехнулся Рон, явно издеваясь. — Ребенок у тебя скоро родится, свою школу магии в Эгноре ты создал, земные знания привнес и сохранил, можно и на покой. Поверь, здесь не так уж и плохо. — Рон шутил, но мне смешно не было. — Ладно, не буду интриговать. Живой ты. Немного похоже на Лиону, но не как она совершенно: собой ты остался. Скоро сам увидишь, — и, останавливая готовый сорваться вопрос, попрощался: — Мне пора. До встречи. Надеюсь, нескорой и, надеюсь, неизбежной.

От сердца отлегло, и я зацепился за его слова:

— Надеешься — значит, можно жить вечно?

— Просто есть и другие места для посмертия, менее приятные. Вечная жизнь — одно из них. Я пойду, мне действительно пора. Пока, Егор.

Он исчез, а вслед за ним пропало Нигде. Я очнулся в больнице.

ГЛАВА 1

Возвращение с того света — это, смею вас уверить, событие весьма неприятное; липкое какое-то, бредовое, длинное, как кошмар, в котором раз за разом будто бы просыпаешься, веришь, что безобразия позади, но страх, сволочь, каждый раз возвращается, и конца и края этому не видно. Я побывал раздавленным тараканом; в мутном кисельном пространстве побеседовал с давно умершим другом, данному факту совершенно не удивившись; тихо-мирно распался на атомы, ужасаясь и следя за этим фактом безразлично, как бы со стороны; и вдруг появляется свет в конце тоннеля, который медленно формируется в белый потолок...

Старая известка с разводами, трещинами, пластинами разнокалиберных чешуек, торчащих точно короста на затянувшейся ране, которую меня внезапно потянуло отколупать. До боли в зубах поманило. Однако нечем. Рук как бы вовсе нет. Как нет и остальных частей тела. Как нет и паники по этому поводу. Вроде так и должно быть. Нет, не должно, но как должно быть правильно — не помню. Полный сумбур, раздрай и анархия, которая в моем случае в порядок не превращалась.

Дурацкая шальная сумятица, замешанная на безусловной радости от того, что я не исчез, не развоплотился, не пропал, то есть в какой-то мере — не умер, мешала думать конкретно, по существу. До какой степени меня можно было назвать живым, меня не волновало. Не говоря уже о серьезных вопросах: где я, когда и как оказался там, где есть, в каком состоянии нахожусь. Да не важно это! Лиза — моя жена, жива, друзья здравствуют, враги повержены (во всем этом я был убежден абсолютно); а Рон, мой учитель и спаситель, встречался со мной после смерти. И его и моей. Или я не погибал? Нет, Вартарар — бог чернокнижников, прихлопнул меня, как жука навозного, аж брызги летели. Но я его изгнал. Точно-точно! Путано все...

Боль нахлынула с силой и неотвратимостью цунами. Зато пила каждую клеточку. Тогда я понял две вещи: во-первых, тело у меня имеется, причем в полном объеме, со всеми членами и волосами (даже эти мертвые кожные придатки ныли); во-вторых, я лежу на металлической кровати, на твердом ватном матрасе, укрытый одной лишь простыней. В глотке застряла жесткая трубка, мешающая орать, и, если бы не она, я вопил бы в голос. Бетонный потолок, лампа дневного освещения (страшно гудящая), веселый диджей, который изредка вклинивался в непрерывно звучащую русскую попсу, намекали на то, что я вернулся на Землю, в Россию. Иголка в вене, капельница, писк какого-то прибора над головой, наличие в горле пыточно-медицинского изделия заставляли задуматься о больнице. Хорошо, что способность двигаться вернулась позже, когда боль благополучно ушла, а то... не знаю. Разломал бы все, наверное, от бешенства. Кроме физического страдания, было до жути обидно.

Творец (или как его там? В общем, самый главный) устами Рона-привидения передавал мне, что я погиб не совсем окончательно, что жить буду, только в иных обстоятельствах. Ох, если бы я догадался в каких! Я бы... подготовился.

Осознание возвращения на родину повергло меня в шок. Ветхим мешком ударило по голове, и от пыли я задохнулся.

Конечно, иногда я задумывался о возвращении. Но исключительно погостить. Обнять мать, похлопать по плечу отца, убедиться, что у них все в порядке, уверить родных, что живу как сыр в масле; в общем, успокоить, чтобы переживать перестали. Чтобы, наоборот, загордились таким необычным мной. И назад, в суровый, но честный Эгнор, в мир, находящийся неведомо где: возможно, в иной Вселенной, а возможно, рядышком, всего-то в паре сотен световых лет от Земли. Но в момент, когда я понял, что нахожусь на родине, мой разум был, мягко говоря, не в лучшей форме, поэтому я чуть не свихнулся от того, что вся моя полутораговая эгнорская жизнь могла оказаться всего лишь плодом больного воображения.

Слава богу, разум возобладал. Не последнюю роль в сохранении здравомыслия сыграли колдовские способности, которые я лихорадочно бросился проверять. Кое-какие нашлись. До своей эгнорской формы мне было, как до луны на карачках, но сам факт наличия подобных возможностей в нашем абсолютно рациональном мире — явление невероятное. Значит, бурная, насыщенная, трудная и счастливая жизнь, чудеса чародейства, любовь и ненависть, война и мир были реальными, а не плодом больного воображения. На том я угомонился и стал изображать натурального тяжелого больного, дабы осмот-

реться и осмыслить дальнейшие действия, целью которых было только одно — возвращение домой, в Эгнор, полюбившийся мне до разрыва вен. Иное даже не обсуждалось.

Городок, где я очутился, назывался непрезентабельно — Закуток. Несмотря на захудалое название, он занимал высокую должность райцентра большого района в одном из восточносибирских регионов нашей огромной Родины.

«Интересно, Закутовского или Закутинского района? Может, Загубинского? Или Забубенного?» — мысленно сыронизировал я, как только услышал это странное название, и едва не поперхнулся, чудом не разрушив старательно изображаемое мной коматозное состояние. Дело в том, что «Комес» со старого местного наречия переводился именно как «закуток между горами, маленькая долина».

Комес — так величают мое маленькое баронство. Да-да! Заработанное честным непосильным трудом на благо одного хитрого графа. Я и титул настоящий имею, им же пожалованный. Замечу — не купленный. Ну, почти. И все время, живя в Эгноре, я часто улавливал совпадения со своим земным или не совсем своим, а неким «древним» опытом. Чаще всего это были имена и названия мест. Мой ученый друг, Агнар, открыл в этом «знаки» самого Творца, который с их помощью якобы указывал мне путь. А я же всегда внутренне содрогался, замечая идентичность, например, имени моей будущей жены — Лизия — с древним именем собственно Земли, в смысле нашей родной планеты или мира. Неприятно, знаете ли, чувствовать себя ведóмым или, хуже того, бараном, которого гонят куда-то с непонятной для него целью. Сразу напрашивается — на заклятие. Правда, в итоге все получалось неплохо, даже, я бы сказал, удачно. В конце вот от злобного божка мир избавил. С помощью друзей, конечно, и погибнув в схватке, но опять-таки вовсе не умерев. Герой! Но в гробу бы я видал такие подвиги, к которым тебя толкают. Аккуратно так подводят — не отскочить, не отпрыгнуть. Очень напоминает задание в какой-нибудь компьютерной игрушке, только с настоящей болью, и физической, и духовной, и с реальными, не оцифрованными людьми с их единственной, неповторимой жизнью.

Всей шкурой почувствовав призрак нового «квеста», я в очередной раз содрогнулся и, сжав зубы, возопил. Успокоиться удалось с трудом и только тогда, когда, услышав частый писк кардиомонитора, дежурная медсестра Зиночка — я имена всех выучил — воскликнула:

— У Неизвестного тахикардия — зайдите во вторую, Герман Эдуардович!

Врач меня послушал, посветил в глаза, велел померить давление, проверил рефлексы, поворчал на заполошную Зиночку и напоследок буркнул:

— На психу переводить будем, скоро закончатся ваши мучения.

— Мучения! Скажете тоже... Все бы такие беспокойные были. Сегодня впервые к нему врача вызвала. Симпатичный к тому же, — добавила кокетливо.

Мне казалось, что ее руки, в отличие от рук других медсестер, касались меня особо нежно и одновременно хозяйски, оценивающе.

— Жаль, если на психу.

— А куда еще? Соматически совершенно здоров, а с башкой пусть там разбираются. Вчера с главным договорился.

Герман Эдуардович заведовал отделением анестезиологии и реанимации, в котором я имел честь находиться.

— Койку зазря занимает. — Голоса и цоканье каблучков Зиночки удалялись.

— А там что с ним сделают?

— Электросудорожная терапия — слышала о такой? Попробуют... — Звуки постепенно затихли.

Твою Вселенную! Электроды к башке — и бабах? Не согласен! А в сериалах годами в коме лежат и не жужжат. М-да, здесь у нас не тут. Все, срочно прихожу в сознание.

Когда из постоянно работающего радио я узнал год, число и месяц, то ушам своим не поверил. На Земле прошло всего чуть более трех недель с момента моего исчезновения. Выходит, неделя здесь — полгода в Эгноре? Или портал смещает не только пространство, реальности, но и... время? А может, и то и другое, а может... да много чего может! Факт остается фактом — полтора года насыщенной счастливой жизни уложились в три недели местного времени.

И я несколько не усомнился в реальности той, эгнорской жизни. Баронство, Руины, магия — все это было на самом деле. Двое суток, проведенных в постоянных тренировках базовых, некогда элементарнейших для меня колдовских умений, убедили меня в этом окончательно. Спасибо тебе, провидение! За жизнь прошлую и нынешнюю. Я все боюсь сказать... Создатель? Творец? Но точно не Спаситель¹. Глупая инициация в

¹ Спаситель — эгнорский бог, культ которого распространен на большей части Иверского континента. В глубокой древности он якобы спас племя иверцев (голодающих-холодающих, преследуемых дикарями) от полного уничтожения. Отсюда имя. *Здесь и далее — примеч. авт.*

стандартной однокомнатной квартире в обычной хрущевке прошла на удивление удачно, и навеянная книгами Стругацких тупая мысль о переделке тела на более сильное, быстрое, выносливое, отлично регенерирующее удалась на славу. Не сам же я это устроил. Теперь я точно знаю, что для неофита такое невозможно.

Рон спас мне жизнь. Выходил мое тело, простреленное девятимиллиметровой пулей «макарова». Тогда, три недели назад по местному времени или полтора года по эгнорскому, я почти что скрылся в межмировом портале Земля — Эгнор, который нагло создал сам, по какому-то невероятному наитию. Пуля догнала, дура, успела... Сейчас, разумея о магии неизмеримо больше, я бы не рискнул поступить так же. С тем багажом знаний, я имею в виду, не с нынешними умениями...

Рон! Смерть его была геройской. Он в одиночку встал на пути отряда чернокнижников, держался до прихода подмоги, но последний удар пропустил. На моих глазах это произошло, я опоздал всего на мгновение. После этого созрел план мести. Мы отыскивали способ отправиться в самое логово «черных», пришли и победили. Только вот встретить там аватар самого Вартараара не рассчитывали. Но ничего, справились. А с другой стороны, хорошее у Рона посмертие — не забывает «своих» Творец или кто там еще.

Стоило только вспомнить о Роне, как поднялась волна тошноты. Противно чувствовать себя ведомым. Нахлынула тоска по Лизе, друзьям, да и лица жителей баронства как наяву предстали — я и за них сражался. А как там в целом в Эгноре? По словам Рона, сказанным мне (моей душе?) во время нашей встречи в «кисельном» пространстве с бестолковым названием Нигде, союз государств, куда вошло мое баронство, от нашествия чернокнижников отбился. Меня, поди, оплакивают. Хотя нет. Лиза должна чувствовать, что я жив. Я же чувствую ее... да, у нее все хорошо. Странно это и удивительно. Светло на сердце, несмотря на то что она очень далеко...

Накатило спокойствие. Непременно вернусь. Напитаю энергией «резервуар», прекрасно сохранившийся в моей «астральной» голове (можно сказать, «в виртуальном образе»), — и вперед. Подождать, правда, придется... Ну, Лиза, лисичка моя хитрая, терпеть умеет.

Проблемы с «выходом из комы», документами, легендой и так далее отодвинулись на задний план, как совершенно незначительные. Я спокойно вышел из «комы» и просто уснул. Утро вечера мудренее.

Мне снились Лиза с маленьким сыном. Она стояла в стороне, улыбалась. Мы с сынишкой весело играли. Он забавно ко-

веркал слова и лънул ко мне. А я умилялся, глядя на его пухлые ручонки. Нос ловил тонкий запах пушистых детских волос. Всю душу наполняли нежность и абсолютное счастье.

В Эгноре, так же как и на Земле, воспитанные люди над убогими не потешаются. Но я бы не удивился, если бы какой-нибудь прыщавый отпрыск благородного семейства, гордый от проклюнувшегося Дара, узнав о моих нынешних магических возможностях, сказал бы мне, тщательно скрывая довольство: «Ах, барон, как я вам сочувствую! От всего сердца советую ни с кем не ссориться. Напыщенных идиотов, знаете ли, много, а у вас репутация... ну, вы понимаете. Надеюсь, вы из замка теперь ни ногой? Очень за вас переживаю...» — И сразу побежал бы сплетничать. Уверен — глумливо хихикая.

Увы, но пока я мог только мысленно входить в астрал (компьютерная «виртуальность» — жалкое подобие этого тонкого мира, привязанного к личности) и с грустью смотреть на свои инициированные стихии, на своих «девочек», которые, как я очень надеялся, просто спали. Из ярких, болтливых женских образов они превратились в бесформенные, тусклые пятна. Попытки растормошить их, достучаться, докричаться ни к чему не приводили. Нити Силы, из которых можно было бы сплести заклинание, из стихий не вытягивались. Как нечем было и напитать это мое творчество — маны, магической субстанции, над разгадкой природы которой бились лучшие умы Эгнора (и древнего и современного), не было. На Земле, как я думал, еще живя в Эгноре, ее не существовало в принципе, как бикини для правоверных арабов. Для создания межмирового портала я использовал совсем другую энергию, из школьного курса физики, в котором утверждалось, что она равна произведению массы на квадрат скорости света. Так оно и оказалось, хвала Эйнштейну. Но в данный момент, в связи с тем, что стихии не откликались, это сила была мне недоступна. Впрочем, она и в магическом мире мне никак не давалась, до самого последнего дня. Зато, когда удалось черпануть горсть серой массы из астрального «резервуара», где та эйнштейновская выдумка давно лежала бессмысленным грузом, да швырнуть ее в аватар бога чернокожих, в Вартараа — тому мало не показалось... Только успел, сволочь, и меня за собой утянуть. Я хруст собственного черепа расслышал.

Слава богу, сохранилась возможность выхода из тела свободным сознанием. Кстати, это являлось уникальной особенностью основанной мною школы, созданной, разумеется, под руководством старших товарищей, чародеев со стажем: Рона и

Агнара, который и вовсе был преподавателем настоящего магического учебного заведения и теоретиком считался великолепным.

Из полета свободным сознанием я хорошо изучил городок. Тысяч пятьдесят — шестьдесят жителей навскидку. Два небольших квартала с двух- и пятиэтажками и два больших частных сектора. Поселок с коттеджами новых русских и недавно отремонтированный маленький железнодорожный вокзал с автостанцией. Три полуразрушенных предприятия, и только на двух из них какая-то видимость работы. Из разговоров я понял, что это трактороремонтный завод и золотообогатительная фабрика. Процветали три ночных клуба, один боулинг и несколько пунктов общественного питания типа кафе-ресторана. Работали пиlorамы, в нескольких местах складировались бревна, доски и другие пиломатериалы. Не похоже было на полный крах, как в других подобных городках захолустья. Конечно, медсестры ныли о трудностях с деньгами, завале кредитов, пьянстве мужей, безработице, но это не выбивалось из общероссийской картины, какой я ее помнил. Общая аура города была стабильно-неуверенной. Хорошо ли, плохо ли это или так у нас везде — я не знал; я впервые почувствовал общую ауру места. Невольно восхитился новым «знаком» и обозлился: это что, типа новый «бонус»? Мысленно погонял желваки и в сердцах сплюнул. Нервов с этим «провидением» не хватит, и один черт — без толку. От него не убежать, не спрятаться, да и плохого оно мне вроде бы никогда не желало. Но я всегда брыкался — самолюбие не позволяло принимать чужое вмешательство, особенно когда не просишь как должное.

Мань в Закутке не нашлось ни грамма. Лишь несчастная тоненькая ниточка где-то далеко-далеко на северо-западе так и манила к себе. Надо, просто необходимо до нее добраться, кровь из носу! Земля оказалась не абсолютно «стерильной».

О переводе в психбольницу впервые заговорил приглашенный на консультацию невролог. Сутки назад прямо возле моей койки состоялся такой диалог.

— Никакой патологии по своей части я не нашел, Герман Эдуардович. На кому тоже не тянет, это вы и без меня видите. По энцефалограмме — глубокий сон. К психиатрам его отправляйте, это функциональное расстройство, я уверен.

— Придется Абакумову звонить, упрашивать, — с сожалением произнес заведующий. — Вредный он старикан и таких больных не любит.

— Придется, — с сочувствием подтвердил невролог. — Вы мне чайку обещали с печеньем, а заодно я вам такую консультацию напишу, что любой дурдом данного пациента с руками-ногами оторвет. — С этими словами они вышли из палаты.

Тогда я не понял, что меня ждет электросудорожная терапия. Витал в облаках. То есть летал свободным сознанием и в целом еще переживал о случившемся. Теперь — всё. От шока — тоски — сожаления отошел, пора «проспать», пока точно по мозгам током не шарахнули.

Я открыл глаза в ответ на прикосновение Зиночки и прохрипел:

— Где я? — хрипел не специально: трудно давались русские слова, и голосовые связки совсем расслабились. Прокашлялся.

Было примерно семь утра, и Зина готовилась сдавать смену.

— Ой! — Медсестра отдернула руку. — Слава богу. Герман Эдуардович, Неизвестный проснулся! — воскликнула голосом, полным радости, будто я был ее родственником, и выбежала из палаты.

На ходу обернулась и бросила:

— Я скоро.

А она симпатичная. Лет двадцать пять максимум. Стройная, невысокая, даже миниатюрная, но в то же время крепкая. Женские формы под халатом, который она, в отличие от других сестер, приталить не удосужилась, были размыты, однако угадывались четко. Фигура в воображении рисовалась далеко не мальчишеская. Волосы короткие, чуть выше плеч, яркочерного цвета. Карие глаза были слегка раскосыми. Самую малость, как у кореянки в третьем поколении. Или японки... не разбираюсь. Может, татарочка. Пока я рассуждал о генеалогии медсестры, она вернулась в сопровождении подтянутого мужчины с крупным волевым лицом. Возраст явно за пятьдесят. Герман Эдуардович. Я их всех видел свободным сознанием, но смотреть натуральными глазами — большая разница.

Заведующий подтянул себе стул, сел.

— Ну-с, молодой человек, как себя чувствуем? — произносая эту фразу, щупал мне пульс. «Не доверяет монитору?» — мелькнула глупая мысль и пропала.

Я еще раз откашлялся и снова произнес:

— Где я? Что со мной? — хрипел гораздо меньше, но говорил медленно.

— Ты в больнице, не волнуйся, теперь все будет хорошо. Как самочувствие? — спросил подбадривающим тоном опытного медика.

— Как — в больнице, в какой? Почему?.. Ничего не понимаю...

— Как самочувствие? — терпеливо переспросил врач. — Я тебе потом все объясню.

Я честно прислушался к себе. Ничего не болит, все работает. Хотя... какой-то дискомфорт. Раньше не замечал.

Через пень-колоду рассказал о самочувствии и потянулся рукой к паху.

— Подожди, — остановил мою руку доктор, — там у тебя катетер в мочевого пузырь вставлен. Это трубка такая, чтоб ты под себя не мочился. Поговорим, и сестричка его сразу вытащит. Ты себя помнишь? Какое сегодня число?

— Сегодня? — Я откинулся на подушку и старательно разыгрывал волнение. В принципе и разыгрывать не приходилось — волновался.

— Восьмое вроде... августа. Ничего не помню, как вата в голове... да что же это со мной! Что случилось?! — Я в отчаянии закрутил головой. — А кто же я?.. — Я поморщился и со стоном закрыл руками глаза.

— Давай так, парень. Во-первых, успокойся — самое страшное позади; во-вторых, ты примерно помнишь число, от него и пляши. Вспоминай, — Герман Эдуардович спокойно откинулся на спинку стула, как бы говоря всей позой: «Я подожду, не торопись».

Я принялся «мучительно вспоминать»:

— Мне надо было в... Закуток, во! Странное название. — Врач с сестрой переглянулись, я в возбуждении сел на кровать.

Голова закружилась, и пришлось опереться руками. Медики дружно вскочили, поддержали меня, попытались уложить, но я отмахнулся.

— Какое-то дело... деньги с собой были... вроде. Что-то купить, но не уверен... Да! Ребята отправили за чем-то важным. Мы на стройке работали... коттеджа? Под Новосибиром. Точно! Калымили летом, а так я студент... кажется. В Москве? Егором меня зовут — уверен. Фамилия... не помню фамилии... — Я снова с досады уткнулся лицом в ладони и чуть не упал. Поддержали. Моя сбивчивая речь длилась чуть ли не с полчасика.

— Хватит на первый раз, успокойся, — врач сочувствующе похлопал меня по спине. — Ложись, отдыхай. Сегодня тебе предстоит насыщенный день. Зиночка, сними катетер. Сам в туалет сходить сможешь? Вот и прекрасно. В принципе ты здоров, как это ни странно.

Когда медики уже уходили, я простонал:

— На автобус опоздал и вышел на трассу... дальше — хоть убей.

— Я же тебе сказал — отдыхать! Не смей больше думать! — строго прикрикнул доктор, и они наконец вышли.

«Фу-ух! От электрошока избавился, а вот от психушки или ментовки «до выяснения» — вряд ли. Сколько там держат, интересно? Я наверняка в розыске, меньше месяца прошло, но маловероятно, что в такой глуши есть мое фото...» И я стал неторопливо перепроверять свой гениально составленный план.

ГЛАВА 2

В ординаторской заведующий на скорую руку строчил истории, заполнял журнал, а Зина с санитаркой бегали по отделению. Времени потеряли с этим внезапно очнувшимся больным — ужас, в самый конец смены.

Вопреки обещанию Германа Эдуардовича, день для меня прошел спокойно. Ни одна сволочь не подошла, только шикали, когда я слонялся в больничной пижаме: тут тебе реанимация, а не абы какая терапия, видишь ли. Пришлось завалиться на койку. Но как лежать надоело!

В конце рабочего дня Зина постучалась в кабинет заведующего. Дежурство дежурством, а рабочий день никто не отменял.

— Вы свободны, Герман Эдуардович?

— Заходи, Зиночка, сейчас быстро по телефону поговорю — и свободен. Тяжелый денек, — устало произнес врач, положив трубку. Закурил. — Чего хотела?

Зина села в кресло напротив стола:

— Что вы собираетесь делать с Егором?

— С очнувшимся парнем? Да я бы хоть сейчас его выгнал, да с психи все не едут, и следовательно не пришел. Ты это к чему? — закончил неожиданно грозно.

— Дядя Герман, не отправляйте его в психушку, я вас очень прошу! — горячо выпалила девушка, молитвенно сжав ладони.

Врач, насупив брови, откинулся на спинку кресла:

— Это почему же, Зинаида? Объяснись!

Медсестра замялась, но, пересилив себя, решительно заявила:

— Пусть он у меня поживет!

Заведующий нервно закашлялся и затушил сигарету, не сразу попав в пепельницу.

— Выбрось это из головы, — прошипел он, преодолевая кашель, — чуть до инфаркта меня, старика, не довела! — С его лица медленно сходили багровые пятна.

Отстранил бросившуюся на помощь Зину и грозно продолжил:

— Я обещал твоему отцу, что позабочусь о тебе, пока он в отъезде? Обещал. Вот я и забочусь. Все! Теперь точно на психу поедет!

— Дядя Герман! Да как вы не понимаете?! Я же не спать с ним собралась! Поймите, у него здесь никого! Его ограбили, он память потерял, а вы... в психушке из него растение делают! — в конце монолога девушка едва сдерживала слезы.

— Не кричи и не бери меня слезами, я к ним равнодушен. Успокойся. Зачем ты так о нашей психиатрии? Ничегошеньки ему там не сделают, наоборот — помогут. Память вернут. «Жди меня» смотришь?

— Вы же сами говорили про электрошок!

— Тю-у, маленькая моя, ты медсестра или рядом с училищем простояла? Он же вышел из сопора, или апатии, или еще какого-то там сна, зачем его током стучать? Теперь просто витаминами поколят, гипнозом поработают — и все. Не переживай за него. Приглянулся, что ли?

— Знаю я эти ихние витамины... — не сдавалась девушка. Вдруг возмутилась: — И ни капли не приглянулся! Вы же знаете мою проблему, дядя Герман! Славка покоя не дает! Не могу же я Сережку у себя поселить? Он бы рад, да жена не отпустит. А у Егора видели, какие мышцы?

— Ох и натворила ты дел с этим Славой! — досадливо покачал головой Герман Эдуардович. — Говорили же тебе, что бандит он, а ты: люблю, люблю!.. Сережка тебя чуть наручниками к батарее не приковывал!

— Да развелась я с ним давно уже! Мне что, всю жизнь за ошибки молодости нотации читать будут? Надоели эти укоры! Я и так наказана больше всех вас, а тут и вы еще, снова и снова! А Сережка посадить его только обещает и обещает, а он до сих пор на свободе.

— Не надо так на брата, он работает, как может. А тебе продолжим напоминать! И я, и отец, и чем чаще, тем лучше, чтоб в печенку тебе въелась эта ошибка. Умнее станешь. И, видимо, редко напоминаем, раз еще одного бандита под крышу взять хочешь.

Пока в Зинину печенку въелось только это бесконечное тыканье носом в неудачное раннее замужество.

— С чего это вы взяли, что он бандит? — резко сменив настроение, с хитрым прищуром спросила Зина.

— А с того! Кто к нам в город с большими деньгами ездит и зачем? Правильно, за ворованным золотом. Не бандит, хочешь сказать? С наличными деньгами?

— Ага, дон Корлеоне! Даже если и за золотом — не значит, что преступник. Он в таком состоянии хоть слово мог соврать? Выходя из комы? На стройке он работал, студент. Попросили — поехал. Отстегнуты пообещали.

Дядя Герман всем своим видом выразил сомнение. Зина возмутилась:

— Мы оба тысячу раз видели и слышали, как от наркозов просыпаются или из ком в сознание возвращаются, потому не надо пожимать плечами, дядя Гера!

— Где не надо, так ты умная. Часто еще про тоннели света говорят, с лабиринтами в придачу, и про путешествия между мирами.

Зина не обратила внимания на ворчание старого отцовского друга.

— Он точно на стройке работал, я слышала, как областной профессор на осмотре его руки описывал: мозоли, как от лопаты. Пальцы и плечи чистые, без следов от работы с оружием. А я знаю, какие руки у братков, Славку вдоль и поперек изучила, чтоб он провалился!

— Одно другому не мешает, девочка! Милиция его еще не пробила.

— Вот! — Зинаида победно вскочила с кресла. — Я сегодня Сережке звонила, и он сказал: пальцев в базе нет, по фотографии на розыскных не похож!

— Седой наполовину, с бородой и длинноволосый, как хиппи?

— Так его брить никто не стал — не на операцию же. А борода и седина ему идут.

Герман Эдуардович с подозрением покосился на мечтательно улыбнувшуюся девушку.

— Егор, — выплюнул сквозь зубы, — имечко чисто маасковское, и выглядит как сектант. Как бы в секте какой не стоял... Смотри, девочка, влюбишься, а он все вспомнит и улетит в свою Московию к жене под бок. Тебе одной драмы мало?

— Не-а, у него следа от кольца нет. Да и молодой больно, и студент.

— Какая глазастая! Ты себя-то слышишь? Разве это доводы!

— А жена бы в розыск подала. Столько дней без связи — не шутка. Я бы точно подала.

— А родители почему не подали?

— С родными можно и не общаться, а с молодой женой не общаться невозможно, — безапелляционно заявила девушка.

— Ну смотри, девка, — Герман Эдуардович навис над столом, — не нравятся мне твои намеки на «женат — неженат», но ты женщина опытная, в мужиках разбираешься... напоминал и буду напоминать! Нечего кривиться! И если бы не твой бывший, который всех нас достал, то поехал бы твой Егорчик в психушку как миленький!

Выразительно помолчал, глядя на Зинаиду сверху вниз, и медленно опустился в кресло.

— На маньяка не похож, — неторопливо вытащил сигарету и не торопясь прикурил. С наслаждением выпустил дым, — в этом плане я за тебя спокоен. Но твои рассуждения о его невинности — курам на смех... Сережке я сам позвоню, вечером зайдет, внушение сделает. Показания заодно снимет. Дело он ведет? Я так и думал. Не знаю, кто хуже: твой Славик или этот Неизвестный. От обоих неизвестно, что ждать. А Егор этот твой... да, твой-твой, не отворачивайся, мне порядочным показался. Не могу понять почему... Ладно, — затушил сигарету, — забирай его со всеми потрохами.

Зина через стол бросилась дяде Герману на шею.

— Осторожно, своротишь здесь все! Чуть монитор не уронила. Смотри у меня, не балуй! Разобьет тебе сердце, что я Ивану скажу?

— Что я, малолетка озабоченная? Чисто из жалости и для своей безопасности.

— То, что он с мускулами, еще ни о чем не говорит, — продолжил внушение дядя Герман, когда девушка плюхнулась обратно в кресло. — Все кости целы, на теле ни одного шрама. Не бывал он в переделках, но! Сам факт наличия мужика в доме может отпугнуть Славика. Хотя бы на первое время. А там, может, Сергею все же удастся прижать гаденыша. Все, беги за вещами.

— Я уже привезла старые Сережкины.

— В рабочее время?!

— Всего на пять минут, Герман Эдуардович! Я пошла?

— Вместе ко мне зайдите, я выписку с направлением к психиатру дам и внушение от себя сделаю. Да успокойся ты! В поликлинику на прием ходите — и все! Я обязан его туда направить... Подожди, он сам-то к тебе ехать согласен?

Девушка не ответила.

В конце сончаса, в реанимации понятия условного, ко мне подошла Зиночка и легонько толкнула в бок:

— Не спишь, Егор?

— Уже нет. — Я сел на койке.

— Ты знаешь, что тебя в дурдом отправляют?

— А еще мне обещали насыщенный день, но как видишь — тишина, — я решил не разыгрывать перед ней удрученного обстоятельствами человека.

— Это просто твой следователь занят, и с психбольницы чего-то задерживаются. Должны были приехать.

— Ничего, я подожду. Мне торопиться некуда.

— Ты чего такой спокойный? Вспомнил все? — спросила с тщательно скрываемым разочарованием.

— К сожалению, нет. Просто я по жизни неунывающий.

— Это хорошо. То есть плохо, что не вспомнил... — Зина совсем запуталась.

— Ты попрощаться подошла или как? Если что, то я очень благодарен тебе за заботу, за уход, за лечение. За все. Надеюсь, скоро свидимся.

— Нет, я не за тем. Вернее, за этим... — девушка никак не могла сформулировать мысль.

— Смелее, я на все согласен, — подбодрил смутившуюся девушку. Честно скажу, она мне понравилась.

— Видишь ли... — она все еще не решалась что-то мне предложить, и я уже начинал догадываться, что именно. — Там тебя током лечить хотят. Слышал про электросудорожную терапию?

— Когда у бедняг слюни бегут и суставы выворачиваются? Видел по телику.

— Ты же не помнишь ничего?

— Исключительно о себе. Продолжай.

— Ты не боишься?! Из тебя же растение сделают!

— Мои проблемы. — Я пожал плечами, едва сдерживая усмешку.

— Хорошо. Давай так. У тебя родные или знакомые в городе есть? — последнее предложение протараторила, как из пулемета.

— Не помню. А сюда кто-нибудь обращался? Городок, как я понимаю, маленький.

— Никто не обращался. Скорей всего, никого у тебя здесь нет. Слушай, ты хочешь избежать психушки и бомжатника? — и, не давая мне вставить слово, снова выпалила: — Поживи пока у меня, хорошо?

У меня как гора с плеч. Наконец-то! Начало гениального плана летело к чертям, но оно и к лучшему.

— Обеими руками «за»! Сразу предупреждаю: я не сплю с малознакомыми девушками, пусть и симпатичными и трогав-

шими меня за разные члены, — глупо пошутил я, запоздало прикусывая язык. Дернул же черт ляпнуть эдакое.

Зиночка серьезно обиделась:

— За кого ты меня принимаешь?! Я исключительно из жалости, а ты! Езжай-ка ты лучше в дурдом!

— Постой! — Я остановил развернувшуюся девушку. — Извини дурака, я совсем не то имел в виду. Просто... сама понимаешь, предложение уж больно неожиданное.

— Ладно, забыли, — легко согласилась она. — Но чтоб больше таких намеков не было. Пойду договорюсь, а ты посиди тут.

Можно подумать, я куда-то убегу в больничной пижаме. Ха! Я же и виноват остался, будто сам напросился.

Ждать пришлось почти до ужина. Живот немилосердно урчал, я мечтал о целой тарелке невкусной больничной каши, на которую в лучшие времена даже не глянул бы, когда в палату заглянула Зина и позвала меня в коридор.

— Вот вещи, — сказала, показывая на обычную китайскую сумку с рынка, — переодевайся, я отвернусь.

В небольшом тамбуре никого не было. Проглотил с языка шутку о том, что она меня голым сто раз видела, и быстро переоделся. Вещи были не новыми, но чистыми и добротными. На размер больше и выше по росту. Все лучше, чем малые. Джинсы подвернул, ремень затянул, рубаху заправил, кроссовки большие, но сойдет, и накинул ветровку. Болтается, как на вешалке, но я не на бал иду. Я в принципе готов был натянуть даже свой последний эгнорский костюм, в котором спускался в самое логово чернокнижников, к их Главному алтарю; туда, где ежедневно, стабильно, как на лучшем конвейере мистера Форда, совершалось несколько человеческих жертвоприношений. По часам, без суеты, размеренно. Тогда мы с командой замаскировались под местных магов Смерти, под некросов. Те сапоги, серые суконные штаны, аналогичные куртки с капюшоном в современных российских реалиях смотрелись бы весьма карнавально. Не говоря уже о поясах с кинжалами и саблями. Но мне было все равно, лишь бы выбраться из надоевшей больницы. Кстати...

— Хм... а где мои вещи? Я же одетый был. Или?..

— Или. Тебе что, не говорили? — Звучавшее при этих словах удивление быстро сменилось пониманием. — Ну да, ты же только очнулся. Так вот, Егор, ты практически трупом был.

Я старательно изобразил недоверие.

— Я не вру, серьезно. Ты на дороге голый валялся. Слава богу, одному дачнику приспичило ночью домой возвращаться, он и подобрал. Не один, конечно, но это не важно. Вез, думал,

ты еще жив, а дежурный врач в приемнике обругал его чуть ли не матом: зачем, мол, трупы сюда тащить! Хорошо, что в ту ночь у нас в реанимации Сергей Александрович дежурил — серьезный мужик, въедливый до занудства. Он еле-еле у тебя дыхание определил и пульс редкий, нитевидный. А давление по нулям было. Потом анализам твоим поражался... Ну, ты готов?

— Так это... — я изошренно тупил. Рассказ меня заинтересовал, захотелось услышать продолжение. — Ну, диагноз. Или как там у вас...

— Да диагноз, диагноз! — нетерпеливо перебила меня Зина. — Никто не знает. Телесных повреждений не обнаружили, а кровь на токсикологию не брали. За нее, извини, платить надо, а ты по категории бомжей шел... идешь. Траванули тебя, однозначно, и хватит об этом! Организм у тебя крепкий, справился. Ну и мы чем могли — помогли. Жизнь свою вспоминай и тех уродов, которые дрянью тебя угостили, тоже вспомнишь. — Последнее предложение пробормотала себе под нос, как любят поступать вечно занятые мамочки, комментирующие поведение собственного чада, занимаясь при этом совершенно другим делом. — Все! Крутанись. Нормально, — оценила Зиночка, придирчиво оглядев меня с ног до головы. — Это вещи брата, он крупнее тебя. Зайдем к заведующему — и свободны.

Герман Эдуардович попугал всевозможными карами, мол, следит за каждым моим шагом, выдал выписку из истории болезни и направление к психиатру в поликлинику.

— Им полис не нужен. Зина, глаз с него не спускай. А ты запомни — она моя племянница, — сказал эдак очень весомо.

Я решительно кивнул. Понял. Осознал. Несу ответственность.

— Спасибо вам за все, Герман Эдуардович, — искренне поблагодарил я, выходя из кабинета.

Солнце спряталось за легким облачком, не плотнее гипюра, словно кокетка вуалью прикрылась: узнаю ли? Дунул свежий ветерок, поднял легкую летнюю пыль и толкнул на меня, будто приветствуя шутливо: заполучил? Где ты шляешься, бес-тоlochъ? Я вздохнул полной грудью — и вдруг накатило. Знакомые с детства запахи асфальта, автомобильных выхлопов, камня, земли, бетона; шум транспорта, обилие кричащих звуков современного земного города свели меня с ума. Отвык я от этого. Голова закружилась, замелькали эгнорские и земные образы, вперемешку. Лиза, укоризненно качающая головой...

Боль от сильных пощечин привела меня в чувство. Щеки горели. Зинины удары были хлесткими, умелыми. То ли медицинский навык, то ли опыт личной жизни. Я стоял на больничном крыльце, спиной наваливаясь на закрытую дверь, спасшую меня от падения. Голова моталась из стороны в сторону. Взгляд наконец сфокусировался на женском лице, зашедшемся в крике. Постепенно уловил смысл.

— Очнись! Очнись же, Егор! Господи, неужели я рано тебя забрала?!

— Все нормально, Зина. Просто голова закружилась на свежем воздухе, — откликнулся я, ловя ее руку. — Залежался. Все, я в порядке, больше не бей.

— Точно? У тебя глаза стали стеклянными.

— Все, прошло уже. — Для наглядности я проморгался. — Не стеклянные?

— Теперь — нет, — вынужденно согласилась она, но продолжала смотреть недоверчиво. — Ты... точно в порядке? Больница пока рядом.

— Точно в порядке. Пойдем. Нам куда?

Зина оценивающе посмотрела в мои глаза, посомневалась и, решившись, предупредила:

— Смотри, здоровье — твое. Нам на стоянку. Вон моя машина, синий «рено». Иди за мной.

Я шел за девушкой и переваривал случившееся. Я вернулся. Окончательно. Нет, конечно, не окончательно. Мой дом — по-прежнему Эгнор, и я стремлюсь туда всей душой, но и здесь я перестал почувствовать себя в гостях. Там, где Лиза с будущим ребенком — «Дом-один», а здесь «Дом-два». Согласен, сравнение неудачное, реалити-шоу испоганенное. Но, может, в этом что-то есть? Там нравы старомодные. Альфонсы и содержанки, кабацкие девицы и работницы домов терпимости в Эгноре, конечно, имеются. Только все это порицается. Разумеется, любовниц и любовников влиятельных аристократов в общество допустить могут. Но никогда они не станут своими. Их спины будут гореть от насмешек. А в маленьких городах и селах еще проще: побьют.

Сев в водительское кресло, Зина вытащила сигарету:

— Ты не куришь?

— Нет.

— А я закурю.

— Ради бога.

Мы поехали. Я с удовольствием вдыхал запах сигаретного дыма и наслаждался скоростью аж шестьдесят километров в час! Быстрее здесь не разгонишься. Сидел и удивлялся себе: курить не тянет, а запах дыма нравится. Никогда не любил во-

дить, а сейчас до зуда в руках хочется почувствовать упругую твердость баранки, утопить педаль газа. Нестись вдаль, ни о чем не думая. Как все вокруг ново! И старо. Соскучился? Несомненно. Я заново открывал для себя родную Землю.

Не заметил, как прибыли.

— Ты что, уснул? — спросила Зина, выходя из машины. Мы всю дорогу промолчали.

— Нет, задумался, — ответил я, закрывая дверцу. Осмотрелся. — Это твой дом?

Мы находились в частном секторе. Дома из бруса или бревен разной степени сохранности, зашарканные деревянные тротуары с обеих сторон дороги. Все утопает в зелени ранеток, черемухи, ирги и других неизвестных мне деревьев. Где дико разросшихся, где обихожженных. Улица, как ни странно для такой сельской идиллии, покрыта асфальтом. Не новым, а с трещинами и выбоинами, но все же... За деревянными заборами преимущественно сине-зеленой расцветки встречались аккуратные клумбы.

Во дворе Зининого дома цветов не было. Были грядки, картофельное поле и небольшая тепличка. Шлакоблочный гараж с давно не открываемыми, подернутыми ржавчиной воротами и сарай неизвестного предназначения. И еще там вилял хвостом здоровенный лохматый цепной пес дворовой породы, грязно-серой масти.

Зина распахнула ворота в заборе, загнала машину, едва не клюнув бампером закрытые гаражные створки, и крикнула мне:

— Подожди, я подержу Шарика. Не смотри, что молчит, — он кусачий.

Я же спокойно ступил на свежескошенную травяную дорожку с узким деревянным настилом, неожиданно для себя потрепал пса за холку и прошел к веранде. Шарик радостно завилял хвостом и с преданной надеждой посмотрел мне вслед.

— Ничего себе! Шарик, ты чего это? Признал гостя? — раздался удивленный Зинин голос.

— Меня все собаки любят, — ответил я не оборачиваясь.

А заметил это в Эгноре. И здесь сработало. Эгнор вообще не показатель, там многие животные давным-давно были адаптированы к человеку. Собаки, видимо, там были все же натуральными.

Дом из толстого бруса изнутри казался больше, чем снаружи. Три полноценные комнаты, большая кухня и ванна с туалетом. Горячая вода из бойлера и местное паровое отопление от газового котла.

— Прямо коттедж, Зина, не ожидал.

— Это наш, отцовский дом. Папа неплохо зарабатывает. Геолог, драгметаллы ищет. Золото в основном. Вот и этим летом в командировке.

— А мама?

Ответила не сразу:

— Нет ее, умерла. Ты не извиняйся, давно уже. Отец так и не женился.

— Соболезную. Ничего, успеет еще — какие его годы!

— Мы с братом только «за». Опекает нас — жуть! Так, я пошла в душ. На кухне холодильник и газовая плита. Умеешь пользоваться?

— Обижает.

— Пельмени свари. Они в морозилке, кастрюля в нижнем шкафчике, — кричала, уже закрывая дверь ванной.

М-да, это тебе не Лиза и тем более не Агна, жена Рона. Вот кто к кухне никого не допускал! Готовила — как священнодействовала. С легкой грустью, глотая слюни от голода, пошел варить пельмени. Выдержал, ни одного без хозяйки в рот не закинул. Зато сразу после нее залетел в душ, быстро потерялся пенной мочалкой под тонкими струями теплой воды; не глядя в зеркало, запахнулся в широкий банный халат, видимо, отца Зины, и выскочил, слушая нетерпеливое ворчание собственного желудка. На кухне меня ждал роскошный ужин из магазинных пельменей и простенького салата из огурцов, помидоров, лука и прочей зелени. «Со своего огорода», — похвасталась Зина.

С голодухи умял все. Самым вкусным оказался салат, а наполовину соевые пельмени с отвратительным тестом старался не жевать, глотал сразу. Не подавился.

За чаем с вареньем Зина рассказала о своей немудреной жизни. Большую часть времени проводит на работе — дежурств много, в двух местах. Что делать — кредиты! Свободное время — огород. Редко вырывается с подругами в ночной клуб или ресторан. Молодого человека не имеет, и я не в ее вкусе. Собаку кормит соседка. Только закончили с чаем, как во дворе радостно гавкнул пес, и через несколько секунд раздался звонок в дверь.

— Это Сережка, брат, — Зина побежала открывать. — Сереж, ты?

— Открывай, я.

Они обнялись в коридоре. На кухню вместе зашли.

Действительно здоровый малый: высокий, плечистый, ни грамма лишнего веса. Брюнет, как и Зина, и похож на нее. Стоят рядом — брат с сестрой, без вопросов. Она ему по плечо. Только черты лица у Сергея были чуточку крупнее, чем у Зи-

ны, китайско-корейского типа, и шрам на левой брови. Характерные мозоли на кулаках. Боксер или каратист, и форму поддерживает. Одет в черные джинсы и футболку с непонятной надписью. Кожаную куртку снял в прихожей. В руке держал черную кожаную папку на молнии.

— Сереж, это Егор, Егор, это Сергей, мой родной брат. Старший.

Понятно, что старший, — около тридцати мужику. Протянутую мной руку брат проигнорировал и сел на Зинино место. Отодвинул чашку с недопитым чаем и водрузил на стол папку. Мне ничего не оставалось, пришлось сесть напротив него.

— Ты поужинаешь или сразу за работу? — спросила Зина с иронией.

— Чаю налей, — ответил он, уставившись на меня. — Значит, Егор, говоришь...

Я расслабленно откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. На риторический вопрос промолчал.

— Рассказывай, Егор, откуда ты такой хороший взялся. Официально, под протокол. Я следователь по твоему делу Сергей Иванович Хром. Ты чего это вздрогнул?

Я не просто вздрогнул, я покрылся испариной. Мысли лихорадочно метались вокруг одной темы: «Господи, это кого же я здесь должен убить?! За что мне все это?! Комес — Закуток, Лизия — Земля, а теперь еще Хром! Первая встречная девушка!» Знаки... кругом знаки... весь воздух пропитался ими. Они назойливо лезли в уши, ноздри, глаза...

— Егор, с тобой все в порядке? — Участливый голос Зины слышался как сквозь вату.

— Все хорошо, Зина, просто накатывает иногда, — ответил я, не задумываясь, а сам давил в себе чувство жертвенного ба-рана.

Глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Успокоился. Решил, что с меня хватит. На все следующие совпадения или новые способности, если таковые откроются, внимания не обращать. В конце концов, подумаешь, Хром! Обычная восточная фамилия. Ну и что, что так же называется графство, в которое формально входит мое баронство. Да просто созвучно, и все!

— Зинка! Не мешай работать! Раз выписали, значит, здоров, об этом мне и дядя Герман сказал. Марш в свою комнату! — грозно приказал Сергей, внимательно следя за мной.

— Вот еще, раскомандовался! На работе у себя командуй! — огрызнулась сестра. — С тобой действительно все хорошо? — обратилась ко мне.

— Да, Зина, спасибо. Такого больше не повторится, обещаю.

— Чаю сам себе нальешь, — бросила брату и покинула кухню, при этом сохраняя достоинство царицы.

Как только она вышла, Сергей прямо через стол схватил меня за грудки и притянул к себе.

— Я тебя насквозь вижу, Художник, — презрительно выдавил сквозь зубы, глядя мне прямо в глаза.

В ванной я по привычке перетянул волосы через лоб ободком — невесть откуда взявшимся там шнурком. Наполовину седая борода, посеребренные височные пряди. Действительно художник, каких часто по телику показывают. Никас Сафронов собственной персоной.

— Если ты Зинку хоть пальцем тронешь, я тебя из-под земли достану и яйца вырву. Ты меня понял?

— Понял, — ответил я, вкладывая в голос все возможное миролюбие и даже испуг.

С каким трудом мне удалось унять буквально взывшие рефлексы! А как захотелось размяться! Неделя без движения — врагу не пожелаешь. Удержался и от словесной агрессии.

— Надеюсь, — многозначительно прошипел он. — Смотри, я не шучу, — после этих слов выпустил «мой» махровый халат. — Рассказывай, что помнишь. — Мы снова сидели друг против друга. — Предупреждаю: я таких, как ты, субчиков встречал чаще, чем ты зубы чистил, и лучше любого психолога увижу, врешь ты или нет.

Я рассказал то же, что и в больнице. Пошли уточняющие вопросы: кто, где, когда, с кем и зачем, явки, пароли и все такое. У меня, разумеется, амнезия, поэтому ответы те же.

— Пробьем все стройки, все автобусы, все институты в Москве — найдем. И не надейся прятаться вечно. Дружков твоих подождем. Ты же кинул их с деньгами, верно? Лучше сам колись, пиши явку с повинной. Пока предъявить тебе нечего, кроме трудно доказуемого мошенничества, а после будет незаконный оборот драгметаллов — раз, скупка краденого — два и много еще чего наберется. Мой тебе совет, исключительно из человеколюбия: колись сейчас. Помогу, чем смогу, а могу я многое, поверь на слово. Не в чем сознаваться? Не верю. У каждого есть в чем сознаваться. Хорошо, распишись здесь и здесь. Подумай, время есть. На, держи, пока я добрый, направление на экспертизу по поводу твоей якобы амнезии. Давно уже у прокурора подписал. Сам сходишь, без конвоя. Цени! Там тебя быстро на чистую воду выведут.

— Сколько можно повторять, Сергей Иванович, я действительно ничего не помню!

— Поймай осла и ему эту басню повторяй сколько угодно, а я от тебя устал.

И меня вымотал. Следак натуральный! То, что в кино показывают, — ерунда по сравнению с таким прессом. Знал бы — в натуре рассказал бы. Наверное.

— И вот еще что, если собака залает или постучит кто — ты первый выгляни, не жди Зинку, хорошо?

— Хорошо... — я удивился. — А в чем дело?

— Да так, — Сергей махнул рукой, выглянул из кухни и заговорил чуть ли не в ухо: — Зинка вряд ли расскажет — но она развелась недавно, и ее бывший ей проходу не дает. Домой приходит, угрожает по-разному. На улице, бывает, подкараулит, даже дом грозился поджечь. Хочет, чтоб вернулась, а Зинке он поперек горла. У меня, сам понимаешь, доказухи никакой, но я его все равно прижму скоро. Понял?

— В общих чертах. Подожди... так она из-за него меня к себе позвала?

Наконец-то у меня в мозгах сложились две двойки. Несуразность приглашения молодого мужчины в дом к молодой женщине обрела кое-какой смысл. А то я, грешным делом, и это обстоятельство занес в «помощь провидения». Хотя... одно другого не исключает. А возможно, она просто втрескалась в меня по уши и нашла повод в виде приставаний своего бывшего. Посмотрим, мне терять нечего. Все равно я отсюда сорвусь. Обязательно найду способ разбудить свои стихии, причем скоро найду.

Сергей не счел нужным отвечать на мой вопрос:

— Зина часто на работе, так что главное — за домом смотри.

— Я могу и сопровождать ее в городе, мне все равно делать нечего.

— А что, и походи, — он заново оглядел меня, более внимательно. — Ты, конечно, парень не робкий, — сказал, откровенно издеваясь, — но главное для тебя — дом. Поджечь поганец реально может. Уяснил?

— Уяснил. Геройствовать не буду.

— Надеюсь на тебя, Егор, — закончил торжественно, словно присягу у меня принял. Хлопнул по плечу и сжал его железной хваткой. — Но я тебя предупредил, — проговорил зловещим шепотом, — из-под земли, понял, из-под земли... Зина, ты где? — позвал Сергей, подойдя к прихожей.

— Я сериал смотрю, а что?

— Я пошел, закройся.

— Захлопни. Эльке привет. Племянники еще не вернулись?

— Слава богу, еще нет, им у бабушки нравится. Закройся, я сказал!

— Егор, закрой дверь за Сергеем, пожалуйста. Мне некогда.

Я хмыкнул и пошел закрывать. Со мной Сергей не попрощался, как и я с ним. Зина предложила посмотреть с ней сериал, я отказался.

— Если хочешь, то в отцовской спальне есть «ящик», включай что хочешь. Там я тебе и постелила. В мою спальню не заходи, там не прибрано! — крикнула, когда я уже выходил. Где чья спальня — не уточнила. Впрочем, блуждать здесь негде.

В комнате я пощелкал каналами, оделся и выскользнул во двор, крикнув Зине:

— Я во дворе проветрюсь, замок на собачку поставлю.

— Только не убегай! — крикнула в ответ. — Подожди, там же Шарик! Ах да. Иди.

На улице было темно и прохладно. Звезд из-за туч не видно. Луна размазалась блеклым серебристым сиянием. Пес подбежал ко мне, лизнул руку и свернулся калачиком возле ног. Я широко раскинул руки, сделал глубокий вдох и... начал разминку. С каким удовольствием я растягивался, отжимался, приседал, бегал, ускоряясь-замедляясь, выполнял упражнения! За полчаса выложился на все сто.

Ускоряться получалось только за счет ресурсов моего улучшенного организма. При активных стихиях, на протяжении нескольких секунд стремительность движений могла достигать такой величины, что воздух ощущался средой плотнее воды. Но и то хлеб. Сомневаюсь, что на Земле есть мастера меча. Да и не собирался я ни с кем драться. Отдохнул немного и начал бой с тенью. Остро ощутил нехватку оружия и лат, как голым мальчиком для битья себя почувствовал. Странно, о пустой ауре так не страдаю, хотя тоже неприятно. Как слепой. Огляделся в поисках чего-либо и нашел грабли. Сойдет. Стал использовать как шест. С шестом я был знаком слабо, ну да ладно. Завтра сделаю себе деревянные мечи.

Когда закончил и прочувствовал время, то вслух присвистнул — целый час тренировался.

Способность чувствовать время я не потерял и еще в больнице перестроил внутренние часы на земные. Эгнорский час оказался на пять минут длиннее земного.

Все, пора на боковую. И тут увидел Зину. Она стояла возле крыльца веранды, укутавшись в теплую осеннюю куртку, и смотрела на меня во все глаза. Как назло, уличный фонарь прекрасно освещал пятачок за гаражом, где я устроил тренировку.

— Что это было? — удивленно спросила она, едва я с ней поравнялся.

— Тренировка ушу. — По-моему, эта боевая гимнастика наиболее походила на курс мечника, если отдаленное сходство можно назвать похожестью. Сужу исключительно из телепередач, на Земле я ничем таким не увлекался.

— Мой брат карате занимается, а такого я не видела.

— Разные школы. Замерзла, поди, пошли в дом.

— Не замерзла, но пойдем. Спать пора. — И я заметил, как она скользнула по мне очень любопытным взглядом.

Я сполоснулся, попил чаю. Зина выпила кефира. Мы перекинулись пустыми фразами и разошлись спать.

Сон не шел совершенно. Кажется, отоспался на неделю вперед. Скользнул свободным сознанием по окрестностям, полюбовался на ниточку Силы, светящуюся в невероятной дали, и, не заметив ничего подозрительного, нырнул в астрал.

Здесь все было по-прежнему. В очередной раз покувыркался в «спящих» стихиях, пытаюсь их разбудить, снова попытался заполнить энергией «резервуар», и снова ничего не вышло — без помощи Краси (стихии Света) и Жени (Земли) процесс создания абсолютной энергии, хоть он и основан на чистой физике, совершенно невозможен.

Кстати, стихий у меня семь. Вернее, я инициирован с семью стихиями. Позже я узнал, что их может быть гораздо больше, в зависимости от экзотичности пространства, но в людских мирах, то есть в годных для обитания существ нашей расы, этими описывается все. Для удобства мага стихии сами собой обретают определенный цвет, для каждого чародея — свой. Мне представились радугой. Красный — стихия Света. Когда в моем личном астральном пространстве мы перешли к полноценному голосовому и видеообщению, то все мои первоосновы (эгнорская наука считает стихии основами и составными частями мира) получили имена. Так как они приняли облики девушек (потокая моим фантазиям, каюсь), то имена я им дал псевдоженские. Свет — Крася (красная). Далее по спектру: Огонь — Оранж (оранжевая), Земля — Женя (желтая), Вода — Заля (зеленая), Воздух — Голуба (голубая), Жизнь — Синя (синяя), Разум — Фиона (фиолетовая). Такая вот поименная радуга. Стихия Земли, если говорить в очень грубом приближении, «отвечает» за массу вещества (или создает ее?) вплоть до элементарных частиц; стихия Света контролирует не только видимые лучи, но и весь спектр электромагнитных колебаний. Поэтому реализация формулы «Е равно Эм Цэ квадрат» возможна только при их участии. Мне

придется будить «девочек», пусть для этого Землю придется рычагом сдвинуть!

Попробовал добыть из стихии «нить»... Удача! С двадцатого раза вытянуть жгутик наконец-то получилось. Стоило потренироваться на полную, встряхнуть телесную энергетику, как процесс, что называется, пошел.

В Эгноре, где есть множество Мест Силы, маной буквально брызжущих, на подобной мелочи элементарно не заикливались. А связь между наличием Силы и работой в «астрале», как оказалось, имеется. Хотя вопрос спорный. Удалось же мне во время инициации, еще будучи на Земле, оперировать в личном «тонком пространстве» так ловко, что опытные эгнорские маги позже с трудом поверили, что я — неофит. Так что оставим это. Тем более что Рон всегда видел в этом (в моем невозможном быстром обучении) «руку Творца», а мне упоминание о счастливо-злосчастном «провидении» всегда неприятно. Как неприятно марионетке, если у нее есть мозги, думать о своем кукловоде.

«Вручную», то есть мысленно представляя руки, я сплел «руну-ключ». Эх, мне бы хоть капельку маны! Очень жаль, что она так далеко. Тысячи километров, не ближе. Все чародейские конструкции без Силы — обычные заготовки, по сути, просто красивые узоры, напоминающие скрученные в трехмерном пространстве жгуты-нити-канаты. Обратил внимание на созданный «ключ» — как бы висит в пустом пространстве. Сна не было ни в одном глазу, поэтому я принялся плести наиболее простые заклинания, самые разные одноуровневые плетения. А много я самостоятельно запомнил, оказывается! Немного подумал и решил рассортировать свои разноцветные творения для удобства доступа. Делал это еще примерно два часа астрального времени, которое, кстати, течет быстрее реального. То есть во внешнем мире прошло всего несколько минут. Точнее предсказать невозможно, всегда по-разному. Бывает, что час «там» укладывается в секунды «здесь».

Создал корневые папки по стихиям, вложенные по назначению и по видам. Как это оказалось трудно, когда астрал крайне медленно и неохотно отзывается на мысленные усилия! Все-таки получилось. Например, фаербол оказался в папке «Огонь», во вложенной папке «Боевые» и папке «Атакующие». Прописать какой-нибудь «ярлык» не удалось — без помощи стихий я оказался по сути нулем без палочки. Утрирую, конечно, но...

Маны нет, нет Силы! Вот в чем основная проблема. Нет, когда «девочки» проснутся, я и без маны резервуар заполню, а

большого мне и не надо. Надеюсь. Скорей бы просыпались. А если что, то придется добираться до той ниточки Силы. Интересно, что там? Да! С родителями надо связаться, не забыть.

ГЛАВА 3

В шесть утра, прекрасно выспавшись, я уже был во дворе. Старые синие спортивные штаны, произведенные — кто бы сомневался — в Поднебесной, были немного великоваты («Сережкины», — пояснила Зина, выдавая их мне вчера), но так было даже удобней. С джинсами не сравнимо. Размялся, нашел черенок от лопаты и сделал два более-менее сбалансированных меча, подточив кое-где ножом. Потренировался владеть. В дом зашел в восемь и застал там заспанную Зину в пижаме.

— Ты чего в такую рань вскочил? — сонно спросила, зевая.

— Я жаворонок. У тебя покушать есть что-нибудь? А то голоден как волк. Быка бы съел. — Тренировка здорово нагнала аппетит.

— В холодильнике все твое, а я пошла в душ.

— Тебе разве не на работу? — прокричал я уже из кухни. — Опаздываешь.

— Не-а, отгул взяла. Сходим с тобой в поликлинику и в милицию.

— Давай в милицию завтра. Я пока еще братом твоим сыт. Да и вообще: я большой мальчик и в одиночку не заблужусь.

Мое мнение было проигнорировано.

— Завтра суббота. — После этих слов дверь в ванную захлопнулась.

— Тебе сколько яиц жарить? — быстро прокричал я, пока не зашумел душ.

— Два, — услышал в ответ. И сразу зажурчала вода.

«Кажется, я понимаю, почему от тебя ушел муж, — задорно подумал я. Настроение с утра установилось замечательное. — Ни накормить мужика, ни помыться вперед пропустить. От меня воняет, как от не знаю кого. От бегемота в жару наверняка приятней пахнет». Я, разумеется, сильно преувеличивал. Мысленно дурачился.

Перед поликлиникой мы заехали на рынок, где Зина, после длительных препирательств, твердо пообещав истребовать с меня деньги, как только они появятся, накупила мне одежду по размеру.

Мне действительно было неудобно. Я пообещал и за продукты деньги вернуть, на что девушка сердито притопнула, как

бы говоря: «Да сколько можно! Твой выпендрож меня уже достал!»

Психиатром оказалась объемная женщина в возрасте, с массивной бородавкой на шее. Она переключала внимание на себя, черты лица женщины расплывались. Пиявку, присосавшуюся к кадыку врача, так и манило сорвать. Сходство с червем-кровопийцем усилилось, когда доктор заговорила: гибкий отросток на кадыке зашевелился, будто желая отвалиться, отпасть.

— Привет, Зинаида, — произнесла она покровительственно. Так обращаются к старым добрым, но оступившимся родственникам. — Привела своего Неизвестного?

— Здрасте, Вероника Игоревна. Только он не мой.

— Рассказывай! Вся больница о вас шепчется.

— Сплетни все это! — покраснела девушка. — Будто вы меня не знаете.

— Я-то знаю, а другим рот не заткнешь. Давай выписку и направление.

Этот разговор проходил при полном игнорировании моей персоны. Я прокашлялся:

— Простите, доктор, выписка и направление у меня.

И только теперь Вероника Игоревна обратила на меня внимание. Будто только-только заметила:

— Проходите, присаживайтесь. — Ее голос плавно, почти незаметно изменился, превратившись в спокойный, доброжелательный и даже «всепрощающий». — Дайте мне бумаги.

Я сел на стул напротив ее стола, на котором не было ни карандаша, ни ручки, лежали только карточки и листы бумаги.

— Маша, заполни на него карту. — Врач протянула выписку с направлением медсестре, сидящей в углу кабинета за отдельным столом. — Жалобы есть? — это уже мне.

— На потерю памяти, и все.

Как меня зовут, какой сейчас год, сколько мне лет, где я нахожусь, что помню из детства, помню ли родителей, как сплю, нет ли головных болей... и так далее. Вопросы сыпались, цепляясь друг за друга, их логика была трудноуловима. Я, стыдно признаться, немного запутался. Но линию на амнезию, как сам посчитал, выдержал твердо.

— Я выпишу вам витамины и ноотропы, пропьете. Возьмите направление к психологу и психотерапевту, это у нас в диспансере, Зинаида объяснит. Еще вопросы есть?

— Так сколько ему лет писать, Вероника Игоревна? — встряла в беседу медсестра.

— Пиши «двадцать пять», правильно? — ответила та, глядя на меня с тщательно замаскированным вниманием.

Я пожал плечами:

— Кажется. У меня еще вопрос. Вот, от милиции на экспертизу направили — это к вам? — Я вытащил из внутреннего кармана летней куртки направление и передал врачу.

— Молодой человек, — поморщилась она, — это не так просто делается. Пройдете обследование у психолога, психотерапевта и только после этого на комиссию, а ее еще собрать надо. Попейте таблетки, сходите к специалистам, и через неделю — ко мне. Тогда и решим вопрос с комиссией. Мне еще и с главным это вопрос обсудить придется.

— Спасибо, всего доброго.

— До свидания, молодой человек. Зинаида, задержись на минутку, а вы в коридоре посидите.

Ждать пришлось минут двадцать. Я подсмотрел свободным сознанием: врач ей что-то втолковывала. Зина сначала оправдывалась, а под конец вспыхнула. Вероника махнула на нее рукой. В буквальном смысле.

У магической практики свободного сознания есть два серьезных недостатка. Во-первых, «бесхозное» тело, которое внешне напоминает спящего в неудобной позе человека, остается практически беззащитным. Убивай не хочу. Во-вторых, для шпионских нужд оно далеко не идеально. Вместо разборчивой речи слышится какой-то сумбур, тогда как остальные звуки, не несущие смысловой нагрузки, различаются прекрасно. Вместо карт с топографией и координатами видится откровенная галиматья, не говоря уже о надписях. Каракули обезьяны несут больше смысла! Вроде, кажется, буква. Знакомая, как «любимый» заусенец на ногте. И такая же противная: мешает, болит, а избавиться не можешь. И ножницами, и щипчиками, и зубами хватаешь в конце концов, то есть пытаешься вспомнить значение столь красиво начертанных линий, тебе, несомненно, известных, а никак! Поначалу бесит. Потом привыкаешь.

Моя личная теория по этому поводу такова: свободное сознание не воспринимает так называемую вторую сигнальную систему — один из важнейших признаков нашего отличия от животных. То есть речь, ее производные и прочие абстракции. В ответ на это мое утверждение мой друг и учитель Агнар, маг-теоретик, скептически пожал плечами, но не оспорил. Своего мнения, которое он считал бы лучше моего объяснения, у него попросту не было.

Зинаида выскочила из кабинета раскрасневшаяся и, не глядя на меня, буркнула:

— Поехали.

В машине нервно закурила.

— Егор, если у тебя тайны, то не рассказывай, я пойму, но не обманывай меня! Я больше всего это ненавижу! Все что угодно могу простить, только не ложь. Признайся только мне, я никому не скажу. Ты... выдумал амнезию? — сказала, умоляя, глядя прямо в глаза, с затаенной болью во взоре.

Боль где-то там, в глубине, тщательно скрываемая, становящаяся от того особо острой. Пристально прищуренные веки, за которыми ярко-карие радужки лишь только угадывались, усилили сходство девушки с типичной японкой. Или кореянской. Ой, повторяюсь.

Я не отвел взгляд.

— Я не вру, — произнес отдельно, как можно более честно. — Мою жизнь словно перевернуло. Да не словно, а точно! Будто я умирал и родился заново.

Ответил завуалированной ложью, и от этого меня чуть не вывернуло наизнанку. На душе кошки скребли. Гигантскими стальными когтями. Обманывать доверяющего тебе очень мерзко. Словно в дерьмо залезаешь. Окунаешься с головой и плаваешь всласть. Но не в дурку же идти, с рассказами о другом мире и магии? До больницы, конечно, скорей всего не дошло бы, но уважение в глазах Зины потерял бы точно. И ей было бы больно. Думаю, больнее, чем от обмана. Пусть несколько дней или недель до моего отбытия побудет счастливой...

Зина облегченно выдохнула и уперлась лбом в баранку. Улыбнулась. Длинный столбик пепла с сигареты упал на пол. Она этого не заметила.

— Я так и знала, я была права! А она мне: мышление связанное, эмоции адекватные, мимика-моторика, жесты-шместы, жмурится-хмурится, глаза гуляют или стынют; он, дорогая моя, совершенно здоров. Симулирует, будь с ним осторожна, Зиночка, — пародировала, кстати, довольно похоже. — Что, говорю, так совсем-совсем не бывает при амнезиях? Она сразу замаялась. Бывает, говорит, но очень редко. Когда-то, где-то она читала, что были единичные случаи полного здоровья при амнезии. Но в ее практике у всех обязательно сопутствующие симптомы были. Короче, она тетка прагматичная и в сказки, в отличие от меня, не верит. Но я была права! — Зина победно стукнула рукой по многострадальной баранке. — Прокатимся с ветерком! Ты как?

— Я «за»! — весело согласился я с натянутой улыбкой. В этот момент я себя ненавидел.

Можно было признаться, можно! Толстая тетенька-врач влегкую меня вычислила, как учительница — нашкодившего детсадовца! Но главное, она сказала Зине, что я здоров! Убеди-

тельно доказала. Зина бы после этого мне поверила. Теперь поздно... или? Нет. Как идет, так идет. Я на Земле ненадолго.

Мы мчались по полупустой загородной трассе, лихо обгоняя все попутные машины. Зина весело щебетала, смеялась, а я так и застыл с маской вместо лица.

— Заедем на «вертолетку»? — дошла до меня ее последняя фраза.

— На что?

— Придорожное кафе, популярное у наших бандюганов, там неплохо кормят. Отметим твоё психическое здоровье. Ты как? Не бойсь, днем там никого не бывает.

— Давай отметим, я не против. Запишешь на мой счет. — Мне было безразлично. Я занимался самоедством.

Оказывается, от старой доброй интеллигентской рефлексии я избавился не до конца. Надо же... В Эгноре думал, что все мое нежное воспитание сдулось окончательно и бесповоротно, а смотри-ка! Ступил на родную землю — и все возвращается на круги своя. Даже не знаю, как к этому отнестись.

Она весело рассмеялась:

— Вот и дождалась кавалера! Запишу.

В здание заходить не стали, пристроились в открытом летнике под тентом.

Стояла совсем не августовская жара. Кроме нашего, были заняты два столика из шести, по виду — дальнобойщиками. Зина заказала шашлыки, кафешка ими славилась, и разных салатиков с закусками. Себе взяла минералку, мне — безалкогольного пива: «Тебе еще в милицию за справкой. Без бумажки ты кто? Правильно. Вечером выпьем».

— Откуда ты так здорово в психологии разбираешься? — спросил я между делом, жуя действительно неплохой шашлык.

— Не льсти мне, ни бельмеса я в ней не смыслю.

— Откуда тогда «мышление», «эмоции» и чего еще там?

— Запомнила, что Вероника Игоревна говорила. У меня память на слова хорошая, а смысла я до сих пор не понимаю. И пародировать умею, заметил?

— Ага, здорово. А у меня память фотографическая: что увижу — с первого раза запоминаю, — похвастался я в ответ, практически не думая.

— Вот это да! Так мы два уникама! Давай за это выпьем! — Мы шутивно чокнулись высокими стеклянными стаканами.

Она искренне, я вымученно. Все с той же натянутой улыбкой, которая ко мне приклеилась.

Из здания кафе в летник вышли четверо крепких, коротко стриженных молодых людей, одетых, несмотря на жару, в расстегнутые короткие кожаные куртки. Они заняли соседний

столик. На двоих были массивные золотые цепи «привет из де-вяноствых».

— Верка, неси быстрее, щас с голоду помрем! — крикнул самый маленький из них и повернулся к остальным. — Ну че, пацаны, отметим это дело! — выпалил с жаром, в предвкуше-нии потирая руки.

Зина с досадой поставила стакан на стол.

— Принесла нелегкая! Как чувствовала — не надо было сю-да ехать! Собирайся, Егор, обед нам испорчен.

— Подожди, Зина, кто это? — Я сидел к ним спиной и ви-дел квартет только во время их прохода к столику. — Объясни.

— Местная «бригадочка», считают себя крутыми, а на са-мом деле — шестерки, одни понты. Пойдем, обязательно при-вяжутся. Ну их, нервы дороже.

— Сидим, — твердо сказал я и накрыл ее руку своей. Гри-маса Гуинплена сошла с моего лица. Появились конкретные враги, и вся интеллигентская муть, противно ковыряющая ду-шу, мгновенно схлынула. Я стал самым счастливым человеком на свете. На секунду.

— Егор, не дури. Они все бывшие боксеры и в кожанках не зря. Там кастеты и ножи могут быть. Они беспредельщики, Егор! — Чтобы соседи не услышали нашу беседу, ей приходи-лось шептать, наклонившись ко мне чуть ли не вплотную.

— Шестерки-беспредельщики — и на свободе? — проде-монстрировал я свою киношную осведомленность из жизни криминального мира. И попал!

— Ты точно уловил. — Зина посмотрела на меня подозри-тельно. Ненадолго задумалась, что-то взвешивая, и реши-лась: — Понимаешь, Егор, у одного из них папа — председа-тель районного совета депутатов.

— Должно быть, стыдно ему за сына.

— Слушай, давай потом я тебе весь расклад выдам, а сейчас поехали! Не до шуток, серьезно.

Но стало поздно.

— Толян, ты посмотри, кто за соседним столом! Баба Сла-вика с каким-то педиком! Они че, сосутся, что ли? — раздался голос того, самого мелкого. Едко так сказал, задиристо. Вид-но, он был у них самым глазастым, горластым и несдержан-ным.

— Началось, — прошептала Зина и откинулась на спинку.

— Мужики, давайте пить и есть, Славик сам со своей бабой разберется, — прозвучал голос наиболее здравомыслящего. Жаль, не увидел, из чьих уст он прозвучал.

— При чем здесь Славик? Ты мне можешь сказать, Ве-рес? — делано удивился третий голос. В ответ — молчание. —

Мы сами должны постоять за честь наших женщин! Кто, если не мы?

Раздался дружный гогот.

— От нападок залетных гомиков! — сквозь смех простонал «мелкий». Хохот продолжился с новой силой.

За время их шутилкой перепалки я успел успокаивающе подмигнуть Зине и прямо со стулом резко развернуться к ним. Смех стих.

— Кто-нибудь из вас разбирается в шмотках от Дольче — Габбана? — спросил я у всей четверки и, пока они ошарашенно молчали, вычленил лидера.

Это не сложно, если сам имеешь опыт командования. Им оказался тот самый, который готов был «за честь постоять». Показал на него пальцем и сказал:

— Ты, петушок, в них точно разбираешься. Пойдем, поможешь мне выбрать. — После этих слов я встал и быстро направился к уличным туалетам, постепенно переходя на бег. За сортирами, сбитыми из крашенных досок, виднелась небольшая полянка перед лесом.

Восприятие взвинтилось до предела. Если бы мне в спину полетел нож, я бы почувствовал и увернулся. Без помощи стихий, без всякой магии. Спасибо тебе, Рон, ты был хорошим учителем. Нож не полетел.

После секундной паузы они все, с нецензурными криками, общий смысл которых сводился к обиженно-удивленному выражению: «Ты совсем оборзел, педрило?!» — бросились за мной, совершенно не обращая внимания на окрики Зины:

— Козлы! Вас Славик за это уроет! Егор, беги! Шавки подзаборные, вам только под забором тявкать! Гомики!

Мой расчет был прост: оскорбишь главного — кинутся все, ни один не отвлечется на второстепенную цель — Зину, а мне не хотелось буянить в кафе. Столики рушить, посуду бить. Зачем?

Меня догнали сразу за нужными каждому человеку постройками, на краю полянки, в десятке метров от леса.

— Стоять, пидор! Все равно догоню и на шнурки порежу! — остервенело проорал главный, Толян.

Я сделал еще три прыжка и нагло развернулся. Достаточно, от кафе и дороги более-менее закрыт.

Братаны приблизились гуськом, с лидером впереди. Толян, с ножом в руке, затормозил метрах в двух от меня. Ему в спину врезался второй, подтолкнув главаря вперед. Я чуть отошел. Толян ругнулся на толкнувшего, и вскоре я был окружен всеми четырьмя. Не бегать же за каждым в отдельности!

— Ты откуда такой шустрый, педик? — задал Толян риторический вопрос, оценивая мои возможности.

Возможно, что-то его насторожило, поэтому с ходу он напасть не решился. Открыл рот, желая добавить что-то еще, но я, увидев бегущую к нам Зину, начал бой.

«Только аккуратней, Егор, не убивай остолопов», — прошептал сам себе, проваливаясь в ускорение.

Ногой выбил у главаря нож и услышал хруст ломающейся кости. Ударную ногу поставил на землю и, используя момент вращения, хлестанул другой нижней конечностью левого от меня братка в челюсть. Хрясь! — порвались новые джинсы. Вовремя падаю на спину, смотрю на пролетевшую надо мной руку со сверкнувшим лезвием и все еще по инерции подсекаю заднего бойца. Поднимаюсь и резко бью правого братка открытой ладонью в подбородок, придерживав левой рукой запястье с тем самым быстрым ножом. Намек на уклонение — почти успеваешь, но почти — не считается. Поворот налево — и передо мной главарь. Стоит, открыв рот, придерживает левой рукой болтающуюся кисть правой. Еще работая с задним, я слышал начало его фразы:

— Что за...

Коротким прямым в челюсть не дал ее закончить, развернулся и пнул по лицу почти поднявшегося заднего, самого маленького. Огляделся — все живы, все без сознания. Слава богу. Аура правого, который самый быстрый, была чуть растянута синим ручейком. Интересно. И тут на меня налетела Зина.

Она не бросилась обниматься и радоваться тому, что я жив. Она встала как вкопанная и спросила со страхом, заикаясь:

— Ег-гор, т-ты кто?

ГЛАВА 4

Обратно мы ехали не так быстро. Сквозняк из полуоткрытых окон охлаждал разгоряченные Зинины нервы. Меня сквозняк спасал лишь от душливой жары, мои нервы были спокойны. Я сорвал злость и теперь неторопливо вспоминал события.

Тот живчик с задатками мага Жизни меня чуть не достал! Его звали Верес, вернее, Верещагин Александр Сергеевич, двадцати лет от роду — подсмотрел в правах. Он и был тем единственным здравомыслящим в четверке. Фанатично занимался различными единоборствами, пока не связался с Толяном, боксером и сыном того пресловутого «председателя районного совета депутатов», а по совместительству главы одной

из криминальных группировок. Отец сына до «больших» дел не допускал — сынок умом не вышел. Зина просветила меня не только в этом, но и во многих других вопросах.

Я не стал отвечать на вопрос, кто же я, а крикнул:

— Ты медсестра или нет? Быстро проверь, все ли живы.

Она очнулась и бросилась к пострадавшим. Я же занялся мародерством. Аккуратно, чтобы Зина не видела. Она смотрит одного, я шарю другого. Забирал только деньги и оружие — ножи и кастеты. У всех были солидные кожаные портмоне, я их протирал от пальцев и вкладывал обратно в карманы.

— Все живы, просто без сознания, — облегченно сказала Зина, — даже крови нет. Так кто ты все-таки? — спросила уже спокойней.

— Не помню! Тело вот вспомнило, как те тренировки во дворе, а голова — нет. Не хочется думать, что был убийцей. Нет, это решительно невозможно!

— Слушай... — задумчиво протянула она, садясь на траву. Похоже, Зина очень хотела мне верить. — Я слышала, что бывают такие амнезии, когда человек хочет что-то забыть и забывает, а стресс ему только помогает в этом. Тебя отравили, и ты подсознательно воспользовался этой причиной. Значит, ты давно хотел забыть что-то неприятное, тягостное для тебя. Может, захотел завязать, и отравление тебе в этом помогло. Точно! — Для уверенности девушка хлопнула ладонями по земле. — Совершенно точно, я чувствую! — воскликнула, подтягиваясь на руках. Лицо ее засияло. Но глянуть на меня все равно опасалась.

Мы все обманываться рады! Она совершенно упустила, что я мог хотеть забыть убийство родного отца, или изнасилование собственной матери, или... да мало ли мерзкого творят маньяки!

— Не знаю, Зина, — тоскливо произнес я, с сожалением пожимая плечами.

Сама, Зиночка, сама убеждайся...

— Да ты сам подумай: они все живы и даже не покалечены. Кроме этого, — показала на распухшую кисть главаря. — Перелом обеих костей предплечья, но так ему и надо. А ты мог бы их всех убить, я видела. Голыми руками мог, но сдерживался.

— И что это значит? — спросил я, не скрывая надежды, всем своим видом показывая заинтересованность, причем именно в положительном ответе.

— А то, что я снова права! Ты не хочешь убивать! — заключила абсолютно убежденно, гордая победой. Будто Берлин только что взяла.

Радостно вскочила, подпрыгнув, как пятилетняя девочка, и наконец-то повернулась ко мне. От торжественного выражения лица, лучащегося счастьем, мне стало неудобно. И немного стыдно. Даже не немного: совесть куснула-таки. Я попытался ее остудить:

— Ты же говорила, что в психологии ни бельмеса?

— Можно подумать, ты про такое не слышал! Все сходится: у тебя сохранились знания и навыки, ты лишь не помнишь исключительно свою жизнь. Я права?

— В общих чертах — да. Ладно, хватит психоанализа, пора убираться отсюда. Я прав? — передразнил Зину.

— Точно! Пойдем быстрее, рассчитаемся в кафе и уедем.

— Они милицию случайно не вызвали? — спросил я уже на ходу.

— Туда позвонят в самую последнюю очередь.

— Почему?

— Расскажу в машине.

Кафе принадлежало отцу Толяна, «авторитету» Седому, в миру Седулину Виктору Леонидовичу, председателю законодательного собрания района. Он полностью седой, не такой, как я, так что прозвище не только благодаря фамилии. Кафе и ночной клуб — не основной его бизнес.

Вторая группировка, «сельские», или попросту «деревня», возглавлялась натуральным вором в законе Семой Паровозиком. Хотя больше современным, чем истинным, у которых ни кола ни двора за душой не должно иметься; «наш» Паровоз давно семьей и хозяйством обзавелся. Славик, ее бывший, являлся бригадиром одной из бригад «сельских». Собственно, поэтому Зина и знала криминальную подноготную. Отношения между «седовскими» и «сельскими» были мирно-натянута-конкурентными. На мой резонный вопрос, откуда в таком задрипанном, не в обиду будет сказано, городке столько организованной преступности, последовал резонный ответ: «Так на золоте живут и на лесе, да зоны рядом, многие выходят и здесь оседают».

Воровство, с ее слов, на фабрике процветало. Прокуратура, суд, милиция, опять с ее слов, были прикормлены. Нет, Сергей — редкое исключение. Надо же кому-то жуликов ловить, мелких наркодильеров и всякую другую шушеру, которой всегда хватает. Люди боятся вкнуть — можно пропасть с концами, а громких случаев, способных привлечь столичные власти, не допускали сами группировки: оба лидера дружили с головой. Местную властную элиту такое положение вполне устраивало, отбиваться приходилось только от проверяющих из центра.

Когда девушка все это рассказывала, у меня волосы дыбом стояли. Неужели в моем родном, довольно крупном городе Центральной России, такая же катавасия? Ни о чем подобном не слышал. Студентом, от бескормицы, пару летних каникул подрабатывал «челноком», возя сигареты, которые мой товарищ доставал в соседнем регионе по дешевке; торговал ими на рынке и как-то обошлось без дани. Но братков, похожих на нынче избитых мной отморозков, наблюдал там с избытком. Почему лично ко мне не цеплялись — загадка, а добровольно я взятки давал исключительно гаишникам. Тогда, помню, пресса шумела о заказных убийствах, воровстве миллиардов, повальной коррупции, правда, без указания конкретики, а теперь — тишина. Телевизор, разумеется, не показатель, ему верить — себя не уважать, но жизнь-то — видно, как изменилась. Даже кухонные споры «за политику» стали другими, без прежнего накала, когда чайник, казалось, мог вскипеть без электричества, исключительно от бурления нервов. Это не девяностые... А как же Сан Саныч с его мутной конторой?

Как я ему благодарен! Его работник застрелить меня пытался, а я лишь теплые чувства о нем храню. До сих пор в голове не укладывается, зачем руководитель аудиторской (так он представился) организации подослал убийцу? Что такого тайного в его конторе, если ради жалкого телефонного номера там готовы лишиться человека жизни? Нет в этом логики. Мы не в Бондиане, и я не сверхсекретный шпион. Сто раз прав был Рон, когда, разбирая факт моего попадания в Эгнор, говорил о вмешательстве Творца: без «провидения» ничего подобного произойти не могло. Разлад с женой, недельное пьянство, увольнение с работы, появление загадочного Сан Саныча, и, словно по волшебству, мне попадают бумаги давно репрессированного профессора, ученика академика Вернадского, со своим полным творческим переосмыслением идеи о сферах, которые в его интерпретации превращаются в магические стихии. В старой, пожелтевшей папке было полное описание инициации к ним с приложением подробнейшей схемы, как это сделать практически. Без колдовства не обошлось определенно, причем теперь я понимаю: его могущество было заоблачным, на уровне божественной игры вероятностями. Даже в Египте, куда мы с женой ездили по обычной путевке, сувенир — пирамидка с записью сознания древнего эгнорского мага — дался мне в руки не случайно. Тот маг, или «оператор пси-поля», как они называли себя в далекие времена, до глобальной катастрофы, слизнувшей с лица Эгнора прежнюю высокоразвитую цивилизацию, до сих пор сидит у меня в голове,

явно не проявляясь. Разве что высокая скорость обучения магии была его заслугой, да снился мне иногда тот, прежний Эгнор, напичканный техномагическими устройствами. Но как не хочется об этом врать! Не о ново-старых открытиях, конечно, а о влиянии на меня «провидения».

Ну да бог с ним. Богам, как говорится, — богово, а людям надо думать о делах земных...

Интересно, как там «мой» Сан Саныч? Всего три недели прошло. Ищет меня или бросил? Милиция точно разыскивает: тот гопник в парке, который пытался меня ограбить, умер определенно. Сам наблюдал, как от его тела душа отлетала. Вот тоже, кстати, случай: ударил я не сильно (тогда еще не умел), он упал, и бордюр чудесным образом нашел висок злодея. Из страха перед тюрьмой я и создал портал в иной мир, хотел сбежать куда подальше. И нисколечко не жалею! Перед душой грабителя, правда, каюсь. Наказание все-таки было несоразмерным...

Как я далек от криминального мира! Был. Теперь, думаю, придется немножко напрячься. Вряд ли сегодняшнее событие останется без последствий. Зина со мной согласилась. Какими они будут, она не знала и очень жалела, что не увела меня из кафе. А больше корила себя за то, что в принципе туда поехала. Я же ни о чем не сокрушался.

Скорей бы стихии просыпались! Ау, девочки! Кажется... зашевелились?! Еще чуточку и... неужели драка на них подействовала? Или... контакт с Вересом? Отыскать его, что ли? Ладно, поживем — увидим.

Кастеты и ножи выкинул по дороге. Все, кроме одного, вересовского. Зачем-то оставил себе этот складной нож зоновского производства. Сталь была неплохой. Деньги, добытые честным трудом (нечего было лезть), большей частью передал Зине. Она нахмурилась, поморщилась, покачала головой, но взяла. Брезгливо, двумя пальцами. Словно купюры были то ли кровью, то ли дерьмом испачканы. Выбросить, однако, не выбросила. Не дочь Рокфеллера. Теперь на первое время нам хватит...

«Нам?!» — я удивился этой мысли. Но почему-то не ужаснулся. Надеюсь, Лиза меня простит.

Перед милицией пришлось заехать за новыми джинсами. Мои, сегодня купленные, порвавшись вдоль всего паха, нескромно полыхали трусами. Зина, пряча смешливый взгляд, заявила, что штаны починке не подлежат.

Дежурный ГОВД показал мне кабинет. Там скучала женщина в звании лейтенанта.